

**Орасио Кирога**

## **СПРАВЕДЛИВАЯ СОРАЗМЕРНОСТЬ МИРА**

До прошлого года некий человек в сюртуке и цилиндре неизменно проводил каждый вечер на углу улиц Артес и Хункаль. Он был одержим идеей привести в порядок движение экипажей и предотвратить заторы. Во второй половине дня по четвергам и воскресеньям он особенно много трудился, добросовестно выполняя поставленную перед собой задачу. Он вкладывал всю душу в это неблагодарное занятие. Неважно, устал ли он, весь вспотел или выглядел жалко от вечного беспокойства, но после исправно выполненного долга совесть его была чиста и спокойна. Человек тот был сумасшедшим, а довел его до столь прискорбной крайности весьма обыденный случай.

Николас Пуэйредон работал маклером. Он оказывал услуги посредника, занимался расчетами и прочими коммерческими делами, о коих, к сожалению, я не имею ни малейшего понятия. Он исповедовал веру в справедливую соразмерность мира, которую ничто не должно нарушать. Человек этот знал, что к числам – а они бесконечны – можно абсолютно безнаказанно прибавить единицу, самую скромную единицу.

– Конечно же, они бесконечны, – говорил он, улыбаясь. – Так что единице место всегда найдется.

Он преспокойно наслаждался этой идеей, будучи не способным по своей натуре впасть в безумство. В остальном же человек он был весьма эмоциональный.

И вот однажды в пять часов вечера он вышел из дома и направился в южную гавань, намереваясь в последнюю минуту отправить письмо пакетботом из

Парижа. На улице Сан-Мартин его экипаж простоял длительное время; Пуэйредон потерял десять минут. На перекрестке улиц Дефенса и Венесуэла какой-то фазтон перегородил дорогу так, что пять минут было невозможно двинуться с места. На перекрестке все той же Дефенсы и улицы Эстадос Унидос экипаж Пуэйредона столкнулся с ехавшей навстречу каретой-купе на желтых колесах. Потеряно еще десять минут. Так что, когда он наконец добрался до гавани, клубы дыма парохода уже виднелись над входным каналом.

Данное событие до глубины души возмутило Пуэйредона. И хотя ничего критичного не произошло, он опасался за свое доброе имя: так как письмо непременно ждали в Монтевидео, случившееся могли приписать несерьезному отношению Пуэйредона к делу. А если в нем и было что-то хорошее, так это ясное представление о добросовестном выполнении своих обязанностей. Потому-то произошедшее его потрясло.

Несколько дней спустя он повторил свой путь с той же целью, и все по тем же причинам его экипаж опоздал в порт. Теперь он не на шутку разозлился, долго ругался с кучером и, воздевая руки в сторону центра города, выражал свое негодование по поводу полнейшего беспорядка на дорогах. Остаток дня он только об этом и говорил: двух кварталов спокойно не проехать, так еще из-за возмутительного пренебрежения правилами невинные люди теряют свое доброе имя.

Кажется, в последующие дни неудача его была столь же велика. Увидев тогда, как он яро выказывал свое недовольство, я попытался его успокоить.

– Но, друг мой, – с улыбкой сказал ему я, поднимаясь с места, – ведь везде одно и то же! Ваше возмущение, без сомнений, справедливо, но на каждом шагу мы оказываемся в подобных ситуациях по всевозможным причинам... –

и здесь я углубился в философию.

– Нет, нет, нет, – повторял он, накаляясь все больше. – А кто тогда следит за порядком? Кто следует правилам? Почему из-за этого я должен терять хоть минуту, хоть секунду, хоть вот столечко? – добавил он, судорожно показывая мне зажатый пальцами кончик ложки. – Вот столечко!

Он придвинулся совсем близко и посмотрел мне прямо в глаза. Затем швырнул ложку на стол и вышел из кафе.

Изможденный Пуэйредон ходил, нервно подергивая головой и плечами, и презрительно бросал в сторону экипажей злобные взгляды.

В итоге он дошел до такого исступления, что сама мысль о беспорядке превратилась в навязчивую идею и повлекла за собой все те разрушительные последствия, которые сопутствуют подобной одержимости. За один только день он десять раз ходил в городскую управу, где его и слушать не пожелали. Из этого халатного места Пуэйредон вышел в гневе. С тем же успехом он обращался в газеты. В последующие дни Пуэйредона постоянно видели в экипаже, лицо его пылало ненавистью и негодованием. Случись так, что в каком-то квартале возникал затор, он по пояс высовывался из коляски да так кричал, что его грубость приводила к прискорбным последствиям.

И вот, наконец, вечером в четверг 18 сентября 1902 года экипаж Николаса Пуэйредона застрял на углу улиц Хункаль и Артес из-за того, что там проезжал праздничный кортеж, идущий из Палермо. Зрелище было поистине жалкое, поскольку Пуэйредон, вскочив на козлы, выхватил вожжи у свалившегося вниз кучера и с яростными воплями погнал ударами кнута свой экипаж на мирную колонну карет. Остановить Пуэйредона смогли только силой, но крики его не смолкали еще долго.

В четыре часа следующего воскресенья Пуэйредон уже ждал на углу улиц Артес и Хункаль.

\*\*\*

– Оно и понятно, – пробормотал кто-то, когда рассказчик завершил повествование.

– Действительно, – спустя время добавил другой, – понятно, что так и с ума сойти недолго. Что уж говорить о Пуэйредоне, который и без того был безумен.